

Спорные вопросы юридического положения Украины в составе России с 1654 года

БЕАТА КЕРТЕСНЕ ВАРГА

В русской и украинской историографии юридическая оценка акта соединения России и Украины составляла предмет серьезного спора. В то время, как историки просто констатируют факт соединения, давая ему то или иное историческое освещение, историки-юристы подходят к вопросу с юридической точки зрения и стараются найти этому событию юридическую формулировку. Н. И. Костомаров, следуя установившейся традиции, утверждал, что условия соединения представляли собой договор Хмельницкого с московским правительством, принятый в январе 1654 года Переяславской радой и тогда же закрепленный присягой русских послов.¹ Г. Ф. Карпов страстно возражал против такого утверждения, доказывая, что никакого договора между Богданом Хмельницким и царем не существовало, а условия присоединения Малороссии явились в результате “челобитных” малороссийского гетмана и “пожалований” русского царя.²

По мнению В. А. Мякотина формальная правота в этом споре была на стороне Карпова, так как условия соединения, вопреки повествованию летописи Величка, на которое опирался в данном случае Костомаров, не могли быть зачитаны и приняты на Переяславской раде уже по той простой причине, что названная рада проходила в январе 1654 года, а условия эти были окончательно выработаны лишь в переговорах с посольством Богдана Хмельницкого в Москве в марте того же года. И в окончательном своем виде эти условия, сформулированные уже после принесения населением Малороссии присяги на верность московскому царю, носили форму не скрепленного двумя сторонами договора, а одностороннего пожалования – цар-

¹ Н. И. Костомаров, *Богдан Хмельницкий*. Москва 1878. т. III, 129–130.

² Г. Карпов, *Критический обзор разработки главных русских источников*. Москва 1870, 68–72.

ских жалованных грамот и царских же резолюций, положенных на просительные статьи гетмана.³ А "Статьями Богдана Хмельницкого, - утверждает Мякотин, - Малороссия не столько заключала династическую унию с Москвой, сколько становилась по отношению последней в положение вассального государства. Во главе этого вассального государства должен был стоять выборный гетман, носивший свой сан пожизненно и не нуждавшийся в утверждении русского государя, а лишь извещавший его о своем избрании и приносивший присягу на верность. Помимо этого вассальная зависимость Гетманщины должна была выражаться в уплате городским и крестьянским населением края сборов в казну царя и в службе казацкого войска. За пределами этих вассальных отношений Малороссия получала широкую внутреннюю автономию и удерживала самостоятельный социальный строй.

Такое положение, при котором односторонний волевой акт высшей власти предоставляет зависимому государству в пределах, определяемых высшим, сюзеренным государством, государственную самостоятельность, но ограничивает эту самостоятельность в области международных отношений, мы называем *вассалитетом*. Эту зависимость характеризует опосредованностью господства государства сюзерена над территорией и подданными вассального государства, что не мешает однако последнему быть государством, хотя и с ограниченным суверенитетом.

Под *личной унией* разумеется чисто фактическое соединение под властью одного монарха двух или нескольких государств, с сохранением полнейшей самостоятельности как во внутренних, так и во внешних делах каждого из соединенных государств. Личная уния это "голый исторический факт",⁴ основанный на временном случайном единстве физической личности монарха или в силу избрания, или в силу сходства двух законов о престолонаследии. Юридически государства, находящиеся в личной унии, существуют раздельно и вполне самостоятельно, и государства-унии, как целого, не существует ни в государственно-правовом, ни в международно-правовом смысле.

На почве исторического материала можно установить некоторые основные моменты *реальной унии*. Эти моменты таковы: 1. Возникновение соединения на основе договора; 2. Соединение государств, остающихся вполне суверенными во внутренних отношениях; 3. Единство политики в вопросах, касающихся двух или нескольких соединенных в унию государств; 4. Раздельность политики и неограниченность суверенитета во всех делах внешней политики, касающихся одного из соединенных в унию государств; 5. Общность органов и учреждений, функционирующих в общих вопросах. Во всех вышеуказанных случаях государственных соединений можно говорить о "сочетании" двух государств, но существуют формы, когда приходится говорить не о соединении государств, а о присоединении. Это при-

³ В. А. Мякотин, *Очерки социальной истории Украины в XII-XVIII вв.* Прага 1924, 21-22.

⁴ Н. А. Алексеев, *Русское государственное право*. Спб. 1897, 197.

соединение осуществляется в двух совершенно различных формах: полной и неполной инкорпорации, или, как принято говорить, инкорпорации на особых условиях. До совершения акта инкорпорации мы видим два государства одно из которых обыкновенно более сильное, а другое более слабое в политическом отношении. При инкорпорации одного государства другим инкорпорируемое государство полностью теряет свою государственно-правовую сущность. Такое полное прекращение самостоятельного государственного бытия имеет место в тех случаях, когда инкорпорация основана на одностороннем акте государства-победителя и является обыкновенно результатом насильственного завладения территорией государства, результатом оккупации, которая предшествует юридическому акту инкорпорации. В этом случае говорят о *полной инкорпорации*.

Если же инкорпорируемое государство присоединяется к другому с сохранением особенностей своего государственного строя, и если, теряя свою международную самостоятельность и независимость, это государство сохраняет свою государственно-правовую самостоятельность, то мы имеем дело с *неполной инкорпорацией*. В силу договора за инкорпорируемым государством сохраняется внутренняя автономия, поэтому и можно сравнивать неполную инкорпорацию с автономией или самоуправлением.

Поскольку при неполной инкорпорации более слабое государство подчиняется более сильному, историческая тенденция заключается в постепенном развитии неполной инкорпорации в полную. Можно наметить три пути перехода неполной инкорпорации в полную: 1. путь добровольного, обоюдного соглашения; 2. путь насильственного присоединения и; 3. путь постепенного поглощения наиболее важных отраслей управления инкорпорированного государства инкорпорирующим.

К какому же из выше разобранных типов государственных соединений можно отнести Украину-Россию по актам 1654 года? В исторической литературе встречаются ссылки на все типы таких соединений, известных в науке о государственном и международном праве. В. И. Сергеевич находит, что в данном случае имела место личная уния:

“...Малороссия не была присоединена как провинция... Малороссия осталась особенным государством со своим особенным устройством, со своим войском, со своим законодательством и даже с правом сношений с иностранными государствами. ...Если принять во внимание те условия, на основании которых Малороссия присоединялась к России и жалованную грамоту, данную Малороссии, то характер этого соединения легко уясниться. Отсюда видно, что присоединение имело характер личный, а не реальный.”⁵ – пишет в своей книге Сергеевич.

По его мнению Украина не соединялась с Московским государством, а только признала своим государем царствующего в Москве государя и его потомство. Это случай личного соединения в силу избрания. Но, так как

⁵ В. И. Сергеевич, *Лекции и исследования по древней истории русского права*. Спб. 1910, 115–116.

избран был русский государь с его наследниками, то соединение должно было продолжаться до тех пор, пока будет продолжаться потомство Алексея Михайловича.

Этот взгляд Сергеевича неправилен на том основании, что соединение украинских земель с Москвой понималось как вечное соединение, а личная уния есть лишь случайное, временное соединение. Кроме того, личная уния, как было указано выше, предполагает полную самостоятельность соединенных государств как во внешних, так и во внутренних делах. Малороссия же присоединялась к Москве после долгих переговоров, приведших, правда, к сохранению значительной доли ее самостоятельности, но самостоятельности далеко не полной. Наиболее важное ограничение суверенитета Украины заключалось в категорическом запрещении сношений с турецким султаном и польским королем и относится к области международно-правовых отношений гетманского управления. В отношении государственно-правовом также существовали ограничения, несовместимые с понятием личной унии.⁶

Личная уния так же, как и реальная, necessarily предполагает общность монарха, единство его физической личности при соединении в нем двух юридических раздельных личностей. Но этого мы не находим в Малороссии-России 1654 года. Московский царь не совмещал в себе две юридические личности – царя русского и гетмана малорусского, он и в Гетманщине являлся самодержцем московским, а его воеводы в Малороссии являлись воеводами русскими, а не малороссийскими. Царь Алексей Михайлович был юридически единым “Самодержцем Великия и Малыя и Белья Россіи”.

Физическая тождественность монарха – носителя неограниченной верховной власти в русском государстве и в Малороссии для нас несомненна, тем более, что гетман избирался как бы под контролем московского правительства и получал все “войсковые клейноты” из рук специально присылаемого из Москвы посольства.

Итак “вечность”, а не временность соединения; наличие единой юридической власти, без разделения в русском царе двух юридических личностей; отсутствие полной государственно-правовой самостоятельности; ограничения международно-правового характера, – все это дает нам основание сказать, что соединение Украины с Россией 1654 года ни в коем случае нельзя квалифицировать как личную унию.

Можно ли это событие назвать реальной унией, как это делает Н. А. Дьяконов?⁷ Он в своей работе не развивает эту точку зрения, и это затрудняет

⁶ Так, над малороссийскими сборщиками податей должны были наблюдать люди московского царя, собранные деньги должны были поступать в московскую казну, уплата жалованья реестровым казакам, хотя и из малороссийских сумм, но производилась московским правительством.

⁷ Н. А. Дьяконов, *Очерки общественного и государственного строя древней Руси*. Спб. 1908, 246–247.

построение возражений против такой квалификации, но во всяком случае против мнения Дьяконова можно привести ряд возражений.

Во первых, привилегии гетмана в международных сношениях, хотя и ограниченные, нарушают то единство международно-правовой индивидуальности, представлять которую от имени унии должен единый монарх. Единство международной политики есть необходимая предпосылка реальной унии. Однако, Малороссия при Богдане Хмельницком вела с Польшей войну, тогда как Алексей Михайлович со своей стороны ее прекратил и, наоборот, царь начал войну со Швецией, а гетман не прерывал с ней дружественных отношений.

Помимо разделения международно-правовой политики, Гетманщина по статьям 1654 года имела право самостоятельно принимать послов иностранных государств, тогда как при реальной унии представительства государств унии объединяются и раздельного приема дипломатических представителей быть не может.

Указанное раньше неравенство в осуществлении внутреннего суверенитета в Русском государстве и в Малороссии, а также безусловно подчиненное в некоторых вопросах положение Малороссии и доминирующее положение Москвы также говорят против определения Дьяконова.

Надо указать еще и на то, что прекращение предполагаемой унии Малороссии-России не носило того характера, который свойствен реальной унии. Дело в том, что реальная уния, возникающая на почве договора, взаимного соглашения, на той же почве и прекращается. Но по отношению к Украине имело место совсем другое явление: ее соединение с Россией прекратилось в результате постепенного поглощения Малороссии Московским государством.

В заключение можно указать также на отсутствие общих для Малороссии и России органов и учреждений, которые являются свойственными реальной унии.

Если соединение Украины с Москвой не было вообще ни реальной, ни личной унией, то как же квалифицировать это событие. Может быть, это было просто *полная инкорпорация*, как считает Н. А. Алексеев?⁸ Рассматривая вопрос об историческом образовании русского государства, он разделяет все государства с точки зрения большей или меньшей самостоятельности составных частей на три группы: 1., государства с равномерной самостоятельностью всех составных частей (напр. федеративные государства: С.-А. С. Штаты); 2., государства, в которых составные части пользуются самостоятельностью, но не на равных правах (напр. Великобритания); и 3., государства, в которых присоединенные части слились с подчинившим их государством, утратили свою самостоятельность (напр. Россия).

Как мы видим, в своей классификации Алексеев относит Россию к третьей группе государств, и перечисляя ее отдельные составные части, он упоминает и Малороссию. Отдельно он рассматривает только вопрос

⁸ Алексеев, *Русское государственное право*, 194-195.

о Польше и Финляндии, которые по его мнению при присоединении сохранили свои особые права, но совершенно ничего не говорит о Малороссии.

Это определение является одним из самых неудачных определений юридической природы отношений Малороссии и России в 1654 году. В полном противоречии с такой классификацией стоит та политическая самостоятельность в государственном и международно-правовом смысле, которую сохранила Малороссия и после 1654 года. Кроме того гетман является лицом, осуществляющим свою высшую власть в силу исторически ему присущего, а не делегированного права. Мы можем допустить, что присоединяемая провинция имеет свои особые права, свои самостоятельные финансовые организации, но для того, чтобы допустить для инкорпорированной провинции отдельное международное представительство и представить себе во главе ее лицо, осуществляющее самостоятельные функции верховой власти, - для этого надо отказаться от понятия инкорпорации в отношении Украины и России.

В литературе была предложена также теория *вассальной зависимости*. На этой точке зрения стоит Коркунов, который говорит:

“...профессор Сергеевич считает личной унией соединение с Россией Малороссии по постановлениям Переяславской рады 1654 года. Но уния предполагает, прежде всего и безусловно, единство личности правителя... Уния же есть соединение двух вполне независимых государств в силу единства личности правителя. Но то же самое имело место в XVII веке и относительно Малороссии. Ее особенность в том и ... выражалась, что она имела особого правителя в лице гетмана, пользовавшегося даже правом вести самостоятельно международные сношения. Малороссия не стояла к России в равноправных отношениях, она была ей подчинена. Русский царь не соединял в своем лице две отдельные государственные власти, но малороссийский гетман подчинялся ему как высшему властителю. Это, очевидно, вассальная зависимость, а не личная уния...”⁹

Того же мнения придерживается и Сокольский, который утверждает, что Малороссии была предоставлена столь развитая автономия, что она являлась “государствоподобным образованием”¹⁰ в составе русского государства. А под государствоподобным организмом он понимает государство с ограниченным верховенством, т.е. вассальное государство, считая между прочим характерным признаком такого образования государство не по препоручению, а по собственному праву.

Хмельницкий хотел бы поставить Украину в положение такого же вассала Москвы, какими были для тогдашней Турции Венгрия, Молдавия и Валахия. Вассала, обязанного платить своему сюзерену определенную дань и выставлять вспомогательное войско, но за это пользующегося полной свободой в своих внутренних делах и даже некоторой самостоятельностью в сфере внешней политики, - говорит в своей книге Сокольский.

⁹ Н. М. Коркунов, *Русское государственное право*. СПб. 1908, 181.

¹⁰ Н. Сокольский, *Краткий учебник русского государственного права*. СПб. 1890, 229.

Мы должны признать, что действительно почти все элементы, характеризующие собой понятия зависимого вассального государства, имеются в наличии в актах соединения 1654 года. Нет непосредственного господства сюзерена, т.е. России, над территорией и населением вассального государства, т.е. Украины, а господство осуществляется через подчинение правителя – гетмана сюзерену. Сюзерен, высшее государство, господствует над вассалом-правителем, а этот последний только осуществляет непосредственную власть над территорией и населением зависимого государства. Зависимое государство в пределах, определяемых государством-сюзереном, совершенно самостоятельно и независимо и пользуются даже правом международного представительства. Сама же зависимость сказывается в уплате ежегодной дани, в обязанности верности и послушания, а также в ограничениях международно-правового характера. Избираемый правитель-вассал утверждается высшим государством и в случае смерти гетмана должно “отписывать” в Москву, для приведения нового гетмана к присяге на “верность и подданство”.

Сходство юридического положения Гетманщины с положением вассального государства нельзя все-таки провести до конца и нет всех необходимых оснований, для того, чтобы можно было признать соединение Малороссии по актам 1654 г. вассальной зависимостью, как это делают Коркунов и Сокольский.

Во-первых, вассальная зависимость предполагает, что население вассального государства приносит присягу на верность своему правителю-вассалу, а этот последний присягает своему сюзерену. Но гетман не вассал, ибо население Украины присягало на вечное подданство московскому царю, а не гетману, и поэтому называть соединение 1654 г. вассальной зависимостью не приходится. Это отсутствие присяги вассалу-правителю в корне подрывает само предположение о вассальных, ленных отношениях, ибо оно указывает на непосредственные отношения сюзерена к населению вассального государства, тогда как эта непосредственность понятием вассальной зависимости совершенно устраняется.

Во-вторых, вассальная зависимость имеет своим юридическим основанием односторонний волевой акт сюзеренного государства, а не договор, – что относит это понятие к государственному праву и отличает его от смежного понятия международно-правового характера – протектората. Однако, соединение Малороссии с Россией основывалось именно на договоре, на обоюдном соглашении двух государств.

Вместе с тем необходимо отметить, что общий исторический путь вассальных государств, их историческая традиция – это разрыв вассальной связи и образование независимого государства. Но исторические судьбы Украины были далеко не таковы: не образование суверенного государства, а наоборот, полная потеря своей государственной самостоятельности.

Таковы те юридические и исторические соображения, которые заставляют нас отказаться от предположения о вассалитете Украины в составе России.

Теория Коркунова нашла себе последователя в лице Слабченко, который приводит следующие "юридические" доводы: 1. Богдан Хмельницкий не сделался московским подданным; 2. Украинский народ не мог иначе понимать соединение как вассальную зависимость; 3. Хотя население Украины присягало не гетману, но этому доводу Дьяконова против теории Коркунова можно противопоставить все стремления и всю политику Богдана Хмельницкого, Ивана Выговского, толковавших о русском княжестве; 4. Зависимость от Москвы сравнивалась с зависимостью Крыма от Турции.¹¹

В исторической литературе появилась еще теория Нольде, который развивает теорию особого государственного *автономного самоуправления*.

"Самоуправление, покоящееся на собственном, а не дарованном государственном праве, можно назвать автономией..."¹² – говорит он.

По его мнению, принципиальной разницы между самоуправляющейся автономной единицей и несuverенным государством нет. Вообще, разница между государством и самоуправлением заключается только в том, что власть самоуправления условна, власть государства безусловна. Условием самостоятельности самоуправления является или дарование таковой государством, или допущение ее последним. Самоуправление может жить на основании собственного права, но это право юридически существует, пока государство его не отменило. "...раз Малороссия не была завоевана, единственным средством присоединения был именно договор, но договор предполагает двух субъектов, одним из которых была Малороссия – государство; если бы она не была таковым, то Москва юридически должна договориться с Польшей, а не с Малороссией..."¹³ – подчеркивает в своей книге Нольде.

Такова в общих чертах теория Нольде. Характерным в ней является применение понятия самоуправления к государственным организациям, стремление вообще не проводить различий между автономной самоуправляющейся единицей и государством. Одной из таких самоуправляющихся на основании собственного права, автономных единиц и является, по мнению Нольде, Малороссия в 1654–1764 гг.

Здесь надо указать на сходство теории автономии с "государствоподобным организмом" Сокольского. И "автономная" Малороссия Нольде, и "государствоподобная" Малороссия живут своим собственным правом, не привилегией, дарованной русскими монархами, а правом, допущенным Московским государством.

По мнению Розенфельда теория Нольде приближает нас к правильному и единственно возможному для юриста решению вопроса, к определению акта 1654 г. как *инкорпорации на особых условиях*. Он ставит вопрос о том, чем является "самоуправление на собственном праве" при признании, что Малороссия была до 1654 г. государством. Этот вопрос можно конкретизиро-

¹¹ М. Е. Слабченко, *Малорусский полк в административном отношении*. Одесса 1909, 26–27.

¹² Б. Е. Нольде, *Очерки русского государственного права*. Спб. 1911, 269.

¹³ Нольде, *Очерки русского государственного права*, 289.

вать следующим образом. Малороссия отделилась от Польши, получила международное признание и стала государством. В силу исторических событий она присоединилась к России, которая сохранила Малороссии широкие права, исторически ей присущие. Московское государство до поры до времени "допускало" эти права, но когда Украина в силу внутренних междоусобиц ослабела, ее самостоятельность была уничтожена. Малороссия постепенно к 1782 году полностью инкорпорируется и автономные права были отменены.¹⁴

Розенфельд подчеркивает, что понятие неполной инкорпорации, т.е. инкорпорации на особых условиях, включает в себе ответ на все указанные вопросы. Эта формула определяет и характер предшествующего самостоятельного бытия Малороссии, как государственного организма, что имело большое значения для дальнейшей жизни гетманщины, и выделяет момент присоединения из общего родового понятия соединений и, наконец, определяет автономные права в дальнейшей жизни "на особых условиях". Формула же государственной автономии охватывает только последний момент.

Розенфельд подтверждает, что в присоединении 1654 года мы имеем дело с переходной ступенью от неограниченной самостоятельности к полной зависимости. Малороссия до своего присоединения представляла совершенно самостоятельное государство с единой территорией, единым народом и единой государственной властью, т.е. этими тремя признаками суверенного государства, а вскоре же после присоединения она теряла одну за другой все свои вольности и привилегии. Акт 1654 г. не понимался самим московским правительством как акт соединения и в нем даже не усматривали в Москве ничего подобного личной или реальной унии или вассальной зависимости. Хотя русское правительство и терпело иногда некоторую самостоятельность присоединяемых земель, но это делалось только до поры до времени, пока Москва не чувствовала в себе достаточно силы, чтобы сломить сопротивление.

Присоединение 1654 г. было только начальным актом того процесса инкорпорации, полного поглощения самостоятельности Украины, который растянулся на 125 с лишним лет и закончился только в 1781–1786 гг.

Существует в литературе еще и теория А. Я. Ефименко, который находит, что Малороссия была под *протекторатом* Московского государства. Она пишет:

"...8 января 1654 г. собрана была в Переяславле рада, на которой украинский народ изъявил свое желание отдаться под покровительство Московского государства. Так произошел великий акт соединения двух русских народностей со всеми его громадными последствиями для обеих соединившихся частей..."¹⁵

¹⁴ И. Б. Розенфельд, *Присоединение Малороссии к России (1654-1793)*. Петроград 1914, 71.

¹⁵ А. Я. Ефименко, *История украинского народа*. Киев 1890., 249.

По мнению Ефименка Хмельницкий кидался к Москве, совершенно игнорируя то обстоятельство, что союз с ней не может быть того же характера, условного и легко расторгимого, как союз с Крымом или Портой. Не может, во-первых, в силу исторически сложившихся особенностей Московского государства, во-вторых, в силу того, что между Малой и Великой Русью всегда существовали связывавшие их органические нити племенного родства, исторических традиций и самое важное – общей религии. Политический союз в данных условиях мог произвести такую спайку, которую было легче создать, чем разрушить. Итак, подчеркивает автор, “казацкая Украина в территориальном составе ее, определенном Зборовским договором, присоединялась к Московскому государству...”¹⁶ Напрасно представители украинской стороны стремились удержать за актом присоединения вид договора, – непреклонная настойчивость московских дипломатов сумела навязать ему характер милости! Однако русский государь подтвердил все “права и вольности” украинского народа (собственно говоря, украинского казачества), какие только были внесены на его рассмотрение, лишь несколько ограничив дипломатические сношения гетмана с иностранными государствами. По мнению Ефименка не был доволен созданным им положением и сам Хмельницкий, но новый союз, т.е. протекторат тотчас дал казакам огромный перевес над Польшей. Но в то же время, пишет автор, с появлением Хмельнитчины Украина начинала новую жизнь как политически самостоятельное гражданское общество. Левобережье почувствовало себя самостоятельным организмом, способным к политическому существованию. Возникали названия “сегобочная” Украина, Малороссия, Гетманщина – в противоположность Правобережью, которое между тем потеряло самостоятельность и снова вошло в состав Польши.

¹⁶ Ефименко, *История украинского народа*, 249.